

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ: ЧЕЛОВЕК, МЫСЛИТЕЛЬ, ПОЛИТИК

Вот и перевернута последняя, самая драматическая страница биографии нашего героя. Судьба отпустила ему всего шестьдесят один с половиной год — по нынешним меркам не так уж и много. Однако в них вместились столько событий, что их с избытком хватило бы на несколько человеческих биографий.

Плеханов был одним из тех, кто, по образному выражению поэта Тютчева, «посетил сей мир в его минуты роковые». Он пережил три войны, три революции, трех царей, был современником Дарвина и Маркса, Льва Толстого и Чайковского, Бисмарка и Уинстона Черчилля. А скольких выдающихся людей Георгий Валентинович знал лично! Ведь среди его знакомых были Энгельс и Ленин, Каутский и Роза Люксембург, Гед и Лафарг, Лавров и Кропоткин, Мартов и Троцкий, Скрябин и Шаляпин, Горький и Луначарский. Приходилось общаться Георгию Валентиновичу и с людьми совсем иного типа — Тихомировым, Азефом, Гапоном. Да разве всех перечислишь...

Плеханов хорошо знал, что такое слава и успех. Но не обошли его стороной ни нужда, ни болезни, ни смерть детей, ни долгая разлука с родиной. Ему приходилось тайно пересекать государственную границу и спать с револьвером под подушкой, через его руки прошли десятки тысяч книг, а от острого плехановского слова краснели или, наоборот, бледнели, казалось бы, закаленные в словесных турнирах бойцы.

Конечно, каждый читатель вынес со страниц этой книги собственное представление о Плеханове. Но, наверное, все согласятся с тем, что это была исключительно одаренная, артистическая натура, интеллеktуал до мозга костей. Умная книга, интересный собеседник, возможность познакомиться с произведениями высокого искусства, общение с природой — вот то, что он ценил в жизни больше всего. Недаром, говоря о Георгии Валентиновиче, Луначарский употребил однажды немецкое выражение «Geistreich» — богатый духом.

Это был настоящий человек-оркестр, поражающий широтой и многообразием своих интересов. Он свободно владел французским и немецким, читал литературу на английском и некоторых славянских языках, знал латынь и немного греческий. Перед нами настоящий гуманитарий-энциклопедист с ярко выраженным историко-фи-

лософским уклоном, блестящий знаток отечественной и зарубежной художественной литературы, включая поэзию. И это при том, что за плечами у него были только провинциальная военная гимназия, несколько месяцев, проведенные в столичном юнкерском училище, неполных два курса Горного института и эпизодическое посещение лекций в женевском университете и парижской Сорбонне. Все остальное было приобретено неустанным самообразованием и общением с интересными, эрудированными людьми.

Как человек Плеханов был натурой достаточно сложной. Воспитанный по законам дворянской чести, он был глубоко порядочным, хотя и несколько суховатым, сдержанным, а в чем-то даже аскетичным человеком, очень скупым на внешние проявления своих чувств. Тем не менее мемуаристы отмечают, что дети пациентов Р.М. Плехановой в санатории в Сан-Ремо всегда тянулись к Георгию Валентиновичу, угадывая за его строгостью внутреннюю доброту. Но были в его характере и такие черты, как вспыльчивость, раздражительность и даже капризность, болезненное самолюбие и стремление постоянно получать подтверждения своего превосходства над окружающими. Не случайно сестра Ю.О. Мартова, Лидия Цедербаум, близко столкнувшись с Плехановым в «искровский» период, называла Георгия Валентиновича «великим человеком с огромным количеством мелких черт» (я никогда больше не видела такой психологической комбинации, добавляла она), признавая в то же время его колоссальные знания и подлинный европеизм (по сравнению с ним П.Б. Аксельрод всегда казался ей провинциалом)¹. Л.И. Аксельрод в период охлаждения ее отношений с Плехановым в конце 1908 г. тоже называла Георгия Валентиновича с досады «крепостником», за которым должны идти его холопы. Она относила Плеханова к числу крупных деятелей, у которых, однако, «мозг мало общего имел с сердцем»².

Но доминирующими чертами Плеханова — человека были его колоссальное трудолюбие, огромная сила воли, поразительная целеустремленность, умение идти против течения и в жизни, и в политике. Это был смелый, гордый и сильный человек, настоящий русский интеллигент-демократ. Пресловутое «барство» Плеханова, о котором написал Максим Горький в своем известном очерке о Ленине со ссылкой на одного из рабочих — делегатов V съезда РСДРП, не имело ничего общего с презрением к труду, жестоким самодурством или праздною маниловской мечтательностью. И так ли уж страшен был знаменитый плехановский скюртук и его безукоризненный французский по сравнению с дурными комиссарскими замашками некоторых истинно «пролетарских» революционеров, поразивших мир после 1917 г. своей жестокостью, грубостью и цинизмом?

¹ См: The Making of three Russian Revolutionaries. P. 110, 162.

² См.: РЦХИДНИ. Ф. 257. Оп. 1. Д. 22. Л. 12 — 13.

Читателя этой книги не нужно убеждать, что у Плеханова была очень нелегкая судьба. Он не раз подходил к тем развилкам жизненного пути, когда нужно было решать извечный русский вопрос: что делать? Так было в юнкерском училище, в Горном институте, на Воронежском съезде «Земли и воли», при отъезде за границу в начале 1880 г. А ведь потом были еще переломные 1883, 1903, 1905, 1908, 1914 и 1917 годы. Трудно даже представить себе, как сложилась бы жизнь Георгия Валентиновича, если бы он выбрал военную карьеру, стал горным инженером или ученым-химиком, причем все эти варианты были более чем реальны. Существовали свои альтернативы и в судьбе Плеханова-революционера: он мог стать народо-вольцем (характер для этого у Плеханова был вполне подходящий) и закончить жизнь на виселице или в сибирской ссылке, мог вернуться в Россию не через 37 лет, а значительно раньше (как это сделала в 1905 г. В. И. Засулич), мог стать министром Временного правительства или разделить печальную участь убитых анархистами кадетов Кокошкина и Шингарева...

Эмиграция, вероятно, спасла Плеханову жизнь, но за это ему пришлось заплатить дорогой ценой, ибо за границей его яркий и сильный талант в значительной степени остался невостребованным. Останься Плеханов на родине, его путь к марксизму, наверное, был бы намного сложнее, но не исключено, что в этом случае он пришел бы к более органичному синтезу русской домарксистской революционной традиции и учения Маркса, которое он с каким-то почти религиозным неистовством пропагандировал как вершину в развитии мировой социально-политической мысли.

В историческом материализме Плеханов нашел тот ключ к тайнам развития общества, который он искал еще в народнический период своей деятельности. Его покорили строгая логика, стройность и универсальность марксистских представлений о закономерном поступательном ходе исторического процесса, признание революционных переворотов оптимальным для нового времени вариантом перехода с одной ступени общественного прогресса на другую, более высокую, а классовой борьбы — едва ли не единственным реальным средством достижения социальной справедливости по отношению к людям труда.

Проблемы какой-то специальной адаптации марксизма к специфическим условиям России для Плеханова практически не существовало. Во всяком случае у нас нет оснований говорить о том, что она мучила его, не давала покоя, «портила» теоретические чертежи. И это при том, что Плеханов находил в истории России немало общего с историей восточных деспотий, прекрасно знал об экономической и культурной отсталости нашей страны, ее крестьянском облике, незначительном удельном весе пролетариата в общей массе россиян. Он был убежден в незыблемости западной ориентации России со времен Петра I, верил в преходящий, временный характер ее экономического отставания от развитых капиталистических стран, с оптимизмом смотрел на историческую миссию капитализма

как важного фактора приобщения России к европейской цивилизации. Правда, к концу жизни, возвратившись из эмиграции на родину, Плеханов увидел, как мало еще сделано в этом направлении, как много в России дикости и азиатчины, однако каких-либо концептуальных изменений в его подходе к вопросу о применимости марксизма к российской действительности за этим не последовало. При этом Ленин, который так или иначе пытался привести марксистскую теорию революции в соответствие с конкретными условиями нашей страны, был в глазах Георгия Валентиновича лишь отступником от марксизма в его истинном, классическом понимании.

Существовала и еще одна важная проблема — проблема корректировки взглядов Маркса и Энгельса, сложившихся в пору расцвета их революционной деятельности, применительно к реалиям XX века. Новое столетие принесло с собой колоссальное ускорение общественного прогресса при нарастании его уродливости, противоречивости и неравномерности в отдельных странах и в различных сферах жизни человека. Наблюдалось повышение жизненного уровня трудящихся, общество становилось в общем и целом более демократичным (хотя картина здесь была достаточно пестрой), усиливалась тяга части его «верхов» и «низов» к социальным компромиссам, возрастала роль субъективного фактора в историческом процессе. Вместе с тем шел рост милитаризма, сравнительно мирное развитие капитализма сменилось полосой войн, ставивших перед людьми проблему элементарного выживания, усиливался национализм. Тенденция к упорядочению и демократизации капитализма сталкивалась с тенденцией к усилению его хищнических, антигуманных, разрушительных черт, неизбежно порождавших у людей ответные настроения протеста и возмущения. Создавалась иллюзия, что капитализм как система изжил себя и готов уступить место более рационально и гармонично организованному обществу — социализму. Короче говоря, ситуация была донельзя противоречивой, неустойчивой и запутанной.

Вполне понятно, что последователи Маркса и Энгельса не могли не реагировать на эти перемены. Так появился социалистический ревизионизм, с одной стороны, и марксистский левый радикализм — с другой. Вместе с тем были теоретики, которые по разным причинам уже не поспевали за быстро текущим временем, не могли адекватно отвечать на его вызов, обходили острые вопросы современности. К сожалению, к их числу относился и Плеханов, оставшийся во многом человеком ушедшего девятнадцатого столетия и явно сдававший позиции теоретикам нового поколения марксистов.

Конечно, Плеханов вслед за Марксом и Энгельсом, расставшимися к концу жизни со многими своими юношескими увлечениями, не мог не уловить, что жизнь не подтвердила марксистские прогнозы середины XIX в. о возможности сравнительно быстрого перехода от капитализма к социализму на основе действия механизма абсолютного обнищания трудящихся, стремительной пролетаризации населения, катастрофических кризисов перепроизводства и на-

сильственного разрушения старого общественного строя. Отсюда предельная осторожность прогнозов Плеханова на будущее, его отказ от оптимистических прогнозов 1880-х годов о недолговечности российского капитализма, акцентирование внимания на необходимости очень длительной подготовительной работы по созданию объективных и субъективных предпосылок социализма. Но Плеханов не пошел при этом за Бернштейном, лишь отодвигая в неопределенное будущее осуществление социалистического идеала, но не подменяя социальную революцию эволюцией. Вместе с тем ему были чужды и характерные для леворадикалов, в частности для Ленина, поиски новых механизмов перехода к социалистическим преобразованиям с использованием госкапиталистических и смешанных форм экономики, ставка левых на широкие антиимпериалистические и антиколониальные движения, разрыв радикалов с традициями буржуазного парламентаризма и т.д. Подобного рода новации Плехановым отвергались, и в итоге его взгляды на социалистическую революцию и социализм оставались крайне абстрактными.

В конечном счете Плеханов постепенно все больше превращался в догматика, который был силен в истории, но оставлял почти без внимания многие новые явления в экономике и политике (монополистическая стадия в развитии капитализма, советская форма демократии и т.д.). Уже один тот факт, что в 1900-х годах он считал взгляды членов группы «Освобождение труда» двадцатилетней давности своего рода эталоном русского марксизма, говорит о многом и явно не в пользу Плеханова. Счастливо избежав многих леворадикальных иллюзий и справедливо предупредив об опасности левого экстремизма и разного рода социальных экспериментов, он, к сожалению, не смог нащупать ту грань, которая отделяла истинно творческий марксизм от его искажений правого и левого толка. А впрочем, кто из теоретиков II Интернационала нашел ее, эту золотую середину?

Плеханов, бесспорно, был не только талантливым пропагандистом и популяризатором марксизма, работы которого представляли собой лишь искусную «вышивку» по готовой теоретической канве. Он справедливо называл себя учеником Маркса и Энгельса, но, оставаясь в рамках марксистской парадигмы, предложил немало свежих и плодотворных подходов к решению таких важных вопросов, как роль личности в истории, место социальной психологии в механизме политической борьбы, влияние географического и биологического факторов на общественное развитие. Поистине огромен вклад Плеханова в разработку истории и отечественной, и европейской общественной мысли, литературоведение, теорию культуры.

Плеханов был горячим поборником идеи европеизации России, которую он рассматривал как магистральный процесс в отечественной истории нового и новейшего времени. Начатый российскими самодержцами, которые хотели поставить достижения европейского

прогресса на службу своему имперскому великодержавию, этот процесс, по мнению Плеханова, должен был получить мощный импульс от победы буржуазной революции, а затем найти свое продолжение в новой, демократической России. Пока же, говорил он в 1917 г., Россия — это еще далеко не Европа, а только, пользуясь выражением Тургенева, «первое лепетанье спростонья»¹.

Плеханов видел свою задачу, в частности, и в том, чтобы знакомить россиян с европейской культурой, способствовать просвещению народа. Он был настоящим русским европейцем, оставаясь в то же время истинным патриотом своего Отечества.

Среди русских революционеров Георгий Валентинович выделялся всесторонней образованностью, блестящим знанием отечественной и зарубежной литературы и искусства. Лучшие страницы произведений Плеханова подобны россыпи драгоценных камней: он широко использовал литературные образы самых разных авторов, от Аристофана и Шекспира до Максима Горького и Игоря Северянина, народные поговорки, библейские предания, стихотворные тексты. Плеханов хорошо разбирался в музыке, прекрасно ориентировался в западноевропейских художественных музеях.

Труднее всего говорить о Плеханове-политике, ибо политика была, мягко говоря, не самой сильной стороной его многогранной деятельности, и здесь Георгий Валентинович переигрывал не только Ленин, но и некоторые гораздо более посредственные люди. Плеханов был лишен черт харизматического лидера, не был фанатиком, авантюристом, демагогом или политическим гешефтмахером. За ним не стояли преданные ему боевые отряды или мощные финансовые группы. Наконец, он не сумел в силу многих обстоятельств стать вождем сильной политической партии или группы, без чего в XX в. серьезный политический успех практически невозможен. Тем не менее Плеханов активно участвовал в общественной жизни, предлагая товарищам по социал-демократической партии свое видение ситуации в России и в мире, собственные оценки классов и партий, тактические планы, прогнозы на будущее, хотя и не добился на этом поприще признания и тем более популярности.

В то время как большевики и эсеры постоянно торопили историю, подталкивая народные массы к скоропалительным и радикальным действиям, Плеханов, обжегшись в юности на бакунизме, тяготел в дальнейшем к более взвешенным и осторожным решениям, нередко получая за это незаслуженные политические пощечины и обвинения в оппортунизме и предательстве интересов революции. Конечно, Плеханов, как и любой политический деятель, вынужден был приспособливаться к изменениям в объективной обстановке, менять свою тактику и некоторые оценки. Но изменником революционному делу он не был никогда.

¹ См.: Валентинов Н. Трагедия Плеханова // Новый журнал. 1948. Т. 20. С. 292.

В раздираемой внутренней смутой российской социал-демократии Плеханов всегда занимал «особую» позицию, и были лишь сравнительно небольшие отрезки времени, когда его можно было — да и то с большими оговорками — зачислить либо в большевистскую (август—октябрь 1903 г.), либо в меньшевистскую (конец 1903 — весна 1905, 1906—1908 гг.) фракцию. Масштабы неординарной личности Плеханова, бесспорно, оправдывали его попытки подняться выше как большевизма, так и меньшевизма. С последним его роднили признание примата объективного над субъективным, экономики над политикой, класса над партией и тем более фракцией, ставка на развитие пролетарского самосознания и инициативы. Во многом объединяло Плеханова с меньшевиками и его отношение к буржуазии, с одной стороны, и к крестьянству — с другой, хотя расстановка акцентов здесь в различные исторические периоды была у них далеко не одинаковой. Но чего он совершенно не выносил в меньшевизме, так это его расплывчатости, половинчатости и политического импрессионизма. Но «детьми» Плеханова были и большевики, унаследовавшие плехановское «якобинство», идею гегемонии пролетариата, тяготение к строгой партийной дисциплине и признание выдающей роли революционного подполья. Плеханов действительно стоял у колыбели российской социал-демократии, дав жизнь и большевикам, и меньшевикам, но неизменно сохраняя при этом свое собственное, неповторимое лицо.

Нельзя не признать, однако, что разработанная им концепция русской революции не вызвала в 1905—1917 гг. сочувствия в широких социал-демократических кругах и у политизированной части рабочих, которые тяготели к более радикальным решениям и подходам. В то время как Плеханов призывал рабочих к трезвым, взвешенным решениям и хотел действовать наверняка, радикально настроенные массы и их большевистские, эсеровские да и многие меньшевистские руководители готовы были идти дорогой проб и ошибок, рисковать, экспериментировать, но только не стоять на месте. Призрак революционной власти, обладание которой позволило бы намного ускорить ход событий и компенсировать недостаток объективных предпосылок, необходимых для выхода за традиционные рамки буржуазных революций, туманил в то время тысячи горячих голов. И для них осторожный, умудренный опытом Плеханов был слишком пресным и умеренным политиком, звавшим революционеров к строгому самоограничению, разумной осмотрительности и взвешенности решений, а не к смелому прорыву в будущее.

В первые месяцы 1905 г. Плеханов тоже испытал на себе непреодолимое воздействие революционной эйфории. Однако он быстро остыл, стал призывать к тому, чтобы «притормозить» революцию, уверовал в Государственную Думу как инструмент политического воспитания народа и в итоге в 1906—1907 гг. оказался на крайнем правом фланге меньшевизма, которому он не подарил, однако, тогда ни одного яркого и оригинального тактического лозунга. Не пришлось ко двору в революционной среде и его идея общенацио-

нальной антиабсолютистской коалиции с участием буржуазии, к которой большинство социалистов относилось крайне враждебно.

В условиях резкой поляризации российского социума и острых социальных и политических конфликтов Плеханов не был принят ни революционерами-радикалами, ни либералами, ибо ни одна из этих группировок не считала его в полной мере «своим». Попытки Плеханова строить стратегию и тактику РСДРП по западным марксистским образцам не соответствовали ни степени зрелости российского капитализма, ни уровню политической культуры тогдашних россиян, ни их менталитету, для которого плехановский рационализм, системность и логика оставались в конечном счете чуждыми и непонятными. Вот почему после 1905 г. популярность Плеханова-политика шла уже по убывающей, его авторитет падал, а попытки защитить и законсервировать «классический» марксизм 40—80-х годов XIX в. все чаще встречали скептически-ироническую или откровенно негативную реакцию. Особенно одиноким чувствовал он себя в 1917 г., хотя сегодня, в исторической ретроспекции, когда мы уже знаем, к чему пришли в конце концов одержавшие победу критики и хулители Плеханова, его политическая осторожность и некоторый «революционный консерватизм», если такой термин имеет право на существование, выглядят в глазах многих наших современников гораздо предпочтительнее, чем революционный экстремизм и безудержное стремление к захвату власти любой ценой.

Глубокое уважение вызывает характерное для Плеханова чувство ответственности за судьбы своей страны и ее народа, категорическое неприятие им любых проявлений исторически неподготовленного социального экспериментаторства. Особенно ярко это качество Плеханова проявилось в 1917 г., когда он отказался поддерживать как победивших большевиков, так и их противников, тоже готовых утверждать свои идеи с помощью штыков. Плеханов не захотел влиться в тот бурный и мутный поток экстремизма и анархизма, который катился тогда по России. И как бы мы ни относились к позиции Плеханова тех дней, его твердость и принципиальность не могут не вызывать уважения.

Конечно, вернувшись весной 1917 г. на родину, Плеханов пережил глубокую драму человека, который не может остановить сползание страны в пропасть гражданской войны. Когда же он увидел позже краешком глаза практику большевистского правления в первые недели и месяцы советской власти, он ужаснулся. Как писал в десятилетнюю годовщину смерти Плеханова не раз упоминавшийся в этой книге А. Н. Потресов, Георгий Валентинович приехал в Россию лишь для того, чтобы увидеть, как страну опять заковали в цепи «со штемпелем пролетариата» его же прежние ученики. «Трудно представить себе худшую египетскую казнь, чем этот тяжелый удар судьбы, который обрушился на Плеханова... Он был шекспировским королем Лиром, которого покинули и предали его

собственные дети...»¹ И все же, добавим мы от себя, он никогда не жаловался на свою судьбу, «дикую» Россию и ее народ.

Мнение А. Н. Потресова переключается с воспоминаниями М. К. Куприной-Иорданской, в квартире которой два месяца жил Плеханов после возвращения из эмиграции весной 1917 г. Когда П. А. Кропоткин, который долгое время тоже жил за границей, увидел в Петрограде своих сторонников — расхристанных, вооруженных до зубов молодцов с наглыми лицами, он пожаловался Плеханову: «И для этого я всю жизнь работал над теорией анархизма!» И услышал ответ: «Я в таком же положении. Мог ли я думать, что моя проповедь научного социализма приведет ко всему тому, что говорят и делают сейчас...»²

Сравнивая Плеханова с другими лидерами российских марксистов — Лениным, Аксельродом, Мартовым, Троцким, оказавшимися в начале 900-х годов на время в одной искровской «упряжке», невольно поражаешься тому, как далеко разошлись затем их жизненные пути. Плеханов оказался среди них наиболее ярким и талантливым представителем «книжного», в значительной мере догматического варианта марксизма, сформировавшегося в конце XIX в. во II Интернационале. Его характерными чертами были экономический детерминизм, безоговорочное признание мессианской роли рабочего класса как освободителя всех людей труда, соединение социалистических и демократических идеалов и безграничная вера в возможность их достижения. Не отрицая революционного насилия, эта генерация марксистов связывала, однако, подготовку пролетарской революции не с заговорщической деятельностью узкого слоя фанатиков-революционеров, а с политическим просвещением и организацией широких пролетарских масс под руководством марксистской партии.

За 40 лет своей активной революционной деятельности Плеханов прошел путь от юношеских анархистских иллюзий и якобинских увлечений к трезвому пониманию того, что социалистической революции должен предшествовать длительный процесс ее подготовки и любой волюнтаризм может обернуться здесь лишь дискредитацией самой идеи социализма с поистине фатальными последствиями. Особую осторожность следовало, по мнению Плеханова, проявлять российским марксистам, ибо их страна в начале XX в. страдала еще не столько от капитализма, сколько от его недостаточного и деформированного развития. При этом Плеханов хорошо понимал, что без буржуазной цивилизации и буржуазной демократии (со всеми их изъянами и пороками), на одном бунтарстве и патриархальном коллективизме «снизу» и насилии «сверху» социализм построить нельзя.

¹ Дни (Париж). 1928. 30 марта.

² Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 80.

Первая мировая война, в ходе которой Россия, несмотря на известные экспансионистские устремления царского правительства, оказалась в положении обороняющейся стороны, остро поставила вопрос о том, что пролетарский интернационализм без патриотизма не имеет жизненных корней. И по мере того, как ухудшалось военно-стратегическое и экономическое положение России и все острее вставала проблема сохранения территориальной целостности страны и ее государственности, Плеханов все громче призывал к патриотическому единению всех слоев российского общества ради отражения внешнего врага. Но успех оказался на стороне тех, кто сделал ставку на использование войны для свержения в России не только самодержавия, но и капитализма. В силу многих обстоятельств наиболее активная в социальном и политическом плане часть народа в решающий момент поддержала большевиков или, по крайней мере, не противодействовала реализации планов Ленина и Троцкого, выдвинувших очень привлекательные для стоявших на грани полного отчаяния миллионов масс рабочих, солдат и крестьян лозунги типа: «Долой войну!», «Грабь награбленное!» и т. д. и уверявших, что мировая революция спишет все — издержки сепаратного мира с Германией, отсталость России, ее нищету и бескультурье. В этих условиях через Плеханова, который не мог предложить народу ничего равноценного большевистскому максимализму, просто перешагнули, оставив «отца» русского марксизма в гордом и трагическом одиночестве, как перешагнули, впрочем, и через сам ортодоксальный марксизм, прикрывшись рассуждениями о новой эпохе, вреде догматизма и необходимости «творческого» применения заветов Маркса и Энгельса. В итоге больному, изолированному от большой политики и лишенному массовой поддержки Плеханову оставалось лишь устраниваться, чтобы не насиловать свою совесть и разум или не разделить печальную участь других «врагов революции», что он и сделал.

В каждом новом поколении у Плеханова, вероятно, будут и свои горячие сторонники, и не менее упрямые оппоненты. Но не будем забывать и еще об одной ипостаси Плеханова, который был одним из культурнейших людей своего времени, подлинным интеллигентом и просветителем. «Света, больше света! — вот что нужно прежде всего», — так писал он в своей знаменитой работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», цитируя известные слова великого Гете. Он хотел видеть Россию не страной рабов и не страной-жандармом, а великим государством подлинно свободных, образованных и уважаемых в мире людей. Таким он и останется с россиянами и не только с ними на все времена — борцом с социальной несправедливостью, великим революционером и патриотом. Как бы ни относились сегодня к идее социализма и к марксизму, имя Георгия Валентиновича Плеханова навсегда принадлежит истории.